

Глава 4

Хотя, уходя, Цэнь Сяо так и не высказал своей позиции, Ли Жуну хватило одного взгляда на его лицо, чтобы понять: затея Цуй Минъяна стать старостой с треском провалилась.

Ли Жун довольно улыбнулся и, перешагнув через скорчившегося на полу одноклассника, со спокойной совестью вернулся в класс.

В прошлой жизни он был слишком горд и отстранён, из-за чего нередко терпел неудачи. Он отказывался идти на компромиссы и упрямялся до последнего, а в итоге либо оставался в синяках, либо горько сожалел о содеянном. Теперь же юноша осознал: гордость — вещь второстепенная. Куда важнее добиться цели.

Для того, кто потерял всё, достоинство — самая бесполезная роскошь.

Цуй Минъян на второй урок не пришёл.

Ли Жуну было плевать. Вернувшись на место, он проигнорировал шум в кабинете, устроился поудобнее на парте и закрыл глаза, решив немного передохнуть.

Наконец кто-то не выдержал. К нему подошли и вкрадчиво прошептали: — Староста, ты уже разобрался со всеми домашними делами?

Ли Жун приоткрыл глаза. Он смутно помнил этого парня — кажется, того звали Линь Цинь. Его семья не имела веса в обществе, но он обладал исключительным певческим талантом и поступил в школу как «одарённый ученик». Раньше они почти не разговаривали.

В школьные годы Ли Жун действительно общался только с детьми профессоров «Хунсо». Однако в этом экспериментальном классе, помимо отпрысков влиятельных семей, училось немало ребят с особыми талантами или просто из состоятельных семей, не связанных с политическими играми.

Прежний Ли Жун отличался холодностью и держал дистанцию, но теперь он ответил мягкой, располагающей улыбкой: — Почти. Спасибо за заботу.

Должно быть, его улыбка оказалась слишком обезоруживающей — Линь Цинь на мгновение замер, глупо уставившись на собеседника.

Красота Ли Жуна была общепризнанным фактом, и он сам никогда этого не отрицал. Не будь он столь привлекательным, Цэнь Сяо вряд ли пошёл бы на разрыв с родителями ради их более чем неоднозначной связи.

— А... не за что, староста. Тебе нужны материалы для подготовки к этой неделе? Я могу распечатать для тебя копию, — Линь Цинь застенчиво взъерошил волосы. Его щёки почему-то залил румянец.

В классе он был из тех «невидимок», на которых никто не обращал внимания. Подойти к старосте его заставили другие дети «Хунсо», желавшие поглазеть на то, как падший гений будет унижаться. Линь Цинь не посмел отказать им и шёл на амбразуру, ожидая, что его просто проигнорируют. Но приветливость Ли Жун вызвала в его душе искреннюю благодарность.

Тот благосклонно указал на своего драгоценного соседа: — Не стоит. Я попрошу у Цэнь Сяо.

— У... брата Сяо?

Линь Цинь решил, что либо он оглох, либо Ли Жун окончательно сошёл с ума. Мало того, что «Хунсо» и «Ланьшу» враждовали — никто и никогда не слышал, чтобы лучший ученик школы просил материалы у последнего в списке успеваемости.

Цэнь Сяо, неспешно вытиравший пальцы влажной салфеткой, замер. Краем глаза он взглянул на соседа. То, что староста всюю кокетничал с окружающими, не вызвало у него никакой видимой реакции, но последняя фраза...

Цэнь Сяо отбросил салфетку, развернулся к Ли Жуну и с интересом спросил: — Ты хочешь попросить материалы у меня?

Тот повернул голову, встречаясь с парой непроницаемо-чёрных глаз: — У тебя ведь они есть.

Это был не вопрос, а утверждение. Если бы Ли Жун не помнил блестящие результаты соседа на экзаменах и не знал, что тот уже в двадцать лет пройдёт жесточайший отбор в Объединённую палату, он бы тоже принял его за обычного бездельника-прогульщика.

Цэнь Сяо взгляделся в выразительные глаза партнёра и двусмысленно уточнил: — Старосте тоже нужно готовиться?

Ли Жун моргнул, небрежно заправил мешающую прядь волос за ухо и слабо, беззащитно улыбнулся: — Вообще-то, нет.

Цэнь Сяо промолчал, лишь чуть вскинул подбородок. Его взгляд стал бесцеремонным, почти осязаемым. В глазах человека, который должен был быть сломлен горем, пульсировала жажда жизни — яркая, странная и пугающе притягательная.

Линь Цинь, поняв, что здесь он лишний, благоразумно ретировался.

На задних рядах поднялся гул. — С Ли Жуном явно что-то не так. Кто-нибудь видел, чтобы он так улыбался? — Хех, понял, что остался без опоры, вот и начал заводить знакомства с кем попало. — Логично. Наши родители велели держаться от него подальше, а ребята из «Ланьшу» и подавно его презирают. Вот и приходится общаться с отребьем.

Резкий звонок на урок заставил класс замолчать. В кабинет стремительно вошёл учитель физики с пачкой тетрадей. Вид у него был крайне суровый. — Вчерашний тест вы написали отвратительно. Если на пробном экзамене покажете такой же уровень, забудьте об Университете А, сразу готовьтесь к пересдаче через год.

Он окинул класс взглядом и замер, заметив Ли Жуна. Голос учителя мгновенно стал тише: — У меня нет лишних экземпляров. Цэнь Сяо, смотрите в один лист с Ли Жуном.

Тот не возражал.

Староста по предмету быстро раздал работы. Когда лист лёг перед Цэнь Сяо, Ли Жун мельком взглянул на него и обнаружил, что заполнены только ответы на тесты, а остальная часть листа зияет пустотой. Он едва заметно улыбнулся. Эту работу стоило сохранить, чтобы в будущем ткнуть ею в лицо одному высокомерному господину.

— В этом тесте собраны лучшие задачи из экзаменов прошлых лет, — подчеркнул учитель. — Пока я объясняю, записывайте то, чего не знаете. Я проверю конспекты.

Ли Жун прижал левую руку к животу, а правую положил на стол и опустил на неё голову. Глядя снизу вверх на соседа, он прошептал: — Я поплю немного. Если что — разбуди.

Цэнь Сяо покосился на него и кончиком указательного пальца коснулся самой чувствительной части кожи на внутренней стороне локтя Ли Жуна. — Вставай. Исправляй мои ошибки.

Тот обречённо вздохнул: — Мне правда плохо.

В этих словах была лишь доля правды — он немного преувеличивал, но его организм действительно был истощён. В прежней жизни родители, а позже и сам Цэнь Сяо, баловали его и заботились о каждой мелочи. Теперь его желудку предстояло мучиться ещё полгода, прежде чем боль начнёт отступать.

Цэнь Сяо усмехнулся. Его палец скользнул выше по тёплой ткани школьной формы Ли Жуна, в жесте сквозило властное требование. — Разве староста не видит, что я издеваюсь над одноклассником?

Фраза прозвучала как шутка, но Ли Жун на мгновение увидел в этом подростке тень будущего мужчины — в его глазах клубился туман, который невозможно было рассеять или пронзить взглядом. Даже когда он улыбался, было неясно, что творится у него на душе.

Что ж, одержимость — это качество, которое остаётся с человеком до конца.

Ли Жун приподнял бровь, ничуть не рассердившись, и медленно выпрямился. Потянувшись за ручкой, он поймал взгляд соседа, в котором плясали весёлые искорки. — Издеваться тоже надо с умом. Опасайтесь встретить мстительного и жестокого человека.

С этими словами он зажал ручку между пальцами и направил её остриё прямо в сердце Цэнь Сяо, слегка покачивая.

Тот перехватил корпус ручки, вытянув её из пальцев Ли Жуна, и небрежно нажал на кнопку. Раздался чёткий механический щелчок. — В таком случае «некоторым людям» стоит опасаться меня.

Ли Жун прищурился и протянул открытую ладонь: — Как я буду писать без ручки?

Цэнь Сяо на мгновение ощутил тепло пластика, прежде чем вернуть ручку владельцу. В момент передачи он намеренно задел пальцами мягкую кожу его ладони. От этой щекотки юноша рефлекторно сжал руку в кулак.

На самом деле Ли Жун плохо помнил школьную программу — точнее, позже он узнал так много, что уже не мог отделить базовые знания от профессиональных. Но он давно не сидел за партой в роли слушателя; обычно все вокруг записывали каждое его слово.

Ли Жун взял ручку и придвинул к себе лист соседа. Объяснения учителя казались ему слишком элементарными, впрочем, как и Цэнь Сяо. Требование последнего исправлять ошибки было не издевательством, а прощупыванием почвы. Он пытался понять, почему староста так изменился и насколько сильно на него повлияла семейная катастрофа.

Но Ли Жуну было всё равно. Он кратко записывал ключи к решению каждой задачи прямо на листе, независимо от того, правильно ответил Цэнь Сяо или намеренно ошибся.

Тот наблюдал за ним, опустив глаза. Руки Ли Жуна были изящными, тонкими, без лишнего жира. Когда он сжимал ручку, костяшки пальцев слегка белели, а сквозь натянутую кожу при каждом движении проступали мелкие складки и вены. На тыльной стороне ладони всё ещё виднелись следы от игл — крошечные красные точки в окружении расплывающихся синяков. Видимо, у медсестры были не самые прямые руки.

Было очевидно, что он всё ещё слаб и далеко не восстановился. Тем не менее, это не помешало ему одним точным ударом уложить крепкого Цуй Минъяна. Когда Ли Жун дрался, он выглядел угрожающе, но Цэнь Сяо не спускал глаз с капли пота, которая медленно скатилась по его шее под воротник.

Хрупкий, как стеклянная кукла. Сильный духом, но слабый плотью.

К концу уроков Ли Жун исписал весь лист Цэнь Сяо. Его почерк, который Ли Цинли заставлял его тренировать годами, был чётким, каллиграфическим и радовал глаз — на фоне каракулей соседа он выглядел верхом совершенства. Позже Ли Жун узнал, что Цэнь Сяо владел как минимум пятью разными почерками и мог менять их по желанию, если не хотел быть узнанным.

Настоящий псих. Чтобы иметь дело с таким человеком, Ли Жун в своё время от скуки выучил все эти пять почерков наизусть.

— Брат Сяо, пойдём поедим.

Цзянь Фу бесцеремонно отодвинул стул перед партой Цэнь Сяо и сел на него верхом, упёршись локтями в стол. Они были друзьями детства, их родители занимали высокие посты в «Ланьшу». Всю жизнь они презирали высокомерных учёных из «Хунсо».

Больше всех в классе Цзянь Фу ненавидел Ли Жуна. Тот был словно живым воплощением образа врага: высокий интеллект, блестящие оценки, ледяная гордость. Казалось, он принадлежит к какому-то другому биологическому виду.

Цзянь Фу мельком взглянул на Ли Жуна. Он не злорадствовал по поводу его беды, но и сочувствия не испытывал. Ему даже было любопытно посмотреть, как этот гордец будет выживать в нищете. Наблюдать за падением тех, кто стоял на вершине — пожалуй, одно из самых сомнительных удовольствий человечества.

Ли Жун выпустил ручку. На внутренней стороне среднего пальца остался красный след от нажима. Он снова прижал руку к животу и обессиленно уронил голову на стол.

Цэнь Сяо уже собирался уйти с Цзянь Фу, когда Ли Жун негромко позвал: — Цэнь Сяо.

Тот мгновенно замер. Староста посмотрел на него с укоризной и пробормотал: — Я исписал для тебя целый тест. Найди кого-нибудь, пусть мне принесут Изумрудный рыбный суп. Без масла и почти без соли.

В Школе А был строгий порядок: еду извне приносить запрещалось, ученики должны были питаться в столовой. Но для Цэнь Сяо это правило не существовало.

Цзянь Фу решил, что у него начались галлюцинации. — Ты совсем заврался? Какой ещё рыбный суп? Мы сами в обед перекусим обычными сетами! И с чего ты взял, что мы друзья? С какой стати нам тебе что-то носить?

Порция Изумрудного рыбного супа в Павильоне «Фужун» стоила больше восьмисот юаней — даже они заказывали его нечасто.

Ли Жун проигнорировал Цзянь Фу. Он смотрел только на соседа, в складке его век отразилась усталость. — У меня живот болит...

Он нахмурился и упёрся подбородком в стол, всем видом выказывая страдание. Цзянь Фу усмехнулся: — Болит живот — иди в медпункт, нам-то какое...

— Закажи ему Изумрудный рыбный суп. Скажи, что это для меня. Если у кого-то возникнут вопросы — пусть идут к моему отцу, — спокойно прервал его Цэнь Сяо.

Цзянь Фу онемел. Он перевёл взгляд на друга, но тот явно не шутил. — Иди заказывай. Мне нужно кое-что с ним обсудить.

Другу ничего не оставалось, кроме как достать телефон. Цэнь Сяо сверху вниз посмотрел на Ли Жуна и усмехнулся: — Решил использовать меня как спонсора?

— Угу, — юноша с самым серьёзным видом кивнул. Чистая правда.

Теперь Цэнь Сяо понял, почему тот так охотно решал за него физику — оплата была оговорена заранее. Впрочем, его это не раздражало; напротив, торжествующее выражение лица Ли Жуна казалось ему забавным.

Цзянь Фу оказался исполнителем. Раз уж всё равно пришлось делать заказ, он взял себе и Цэнь Сяо по порции жареного риса с креветками и гребешками. Через полчаса еду доставили, и он сам её забрал.

В классе было пусто, остались только они трое. Пока Цзянь Фу ходил, Ли Жун успел закрыть все окна и выключить кондиционер.

Цзянь Фу вошёл, обливаясь потом. — Свет, что ли, вырубили? Жара невыносимая, включите кондиционер.

Ворча, он начал расставлять контейнеры: суп для Ли Жуна, рис для себя и друга. Цэнь Сяо кивнул в сторону соседа, который увлечённо возился с упаковочной плёнкой: — Ему нельзя на холод. Потерпи.

Цзянь Фу закатил глаза: — Твою мать... Уходил нормальный человек, а вернулся — как большая панда в заповеднике.

Ли Жун пропустил шпильку мимо ушей и лучезарно улыбнулся: — Большие панды не боятся ветра.

Цзянь Фу лишь криво усмехнулся.

Ли Жун открыл контейнер. Насыщенный аромат рыбного супа наполнил пространство. Повар явно знал своё дело: суп был приготовлен специально для больного — ни капли лишнего жира, и при этом совершенно без специфического запаха рыбы.

Он опустил глаза и принялся медленно, ложка за ложкой, отпивать бульон. Ли Жун всегда ел неспешно; если времени не хватало, он скорее оставался голодным, чем заталкивал в себя еду кусками.

Цэнь Сяо почти не притронулся к своему рису, заморожённо наблюдая за тем, как сосед ест. Только сейчас губы юноши приобрели здоровый розовый оттенок. Он ел сосредоточенно, осторожно дую на каждую ложку — было видно, как сильно он дорожит своим измученным желудком.

Цзянь Фу чувствовал себя крайне неудобно. Он никогда не обедал в такой тишине. — О чём там с тобой Ян Фанфан говорила? — спросил он, лишь бы нарушить молчание.

Ли Жун перестал есть. Он не поднял головы, но заметно наострил уши. Цэнь Сяо усмехнулся и намеренно ответил туманно: — Скоро сам узнаешь.

Друг разочарованно фыркнул. — Ладно. Кстати, Сун Юаньюань из соседнего класса отмечает восемнадцатилетие. Устраивает бал в честь совершеннолетия. Ты пойдёшь... — он осёкся, вспомнив, что Ли Жун сидит рядом. Сун Юаньюань официально всё ещё считалась его девушкой.

— Кхм, я имел в виду, что у девушки старосты день рождения, — Цзянь Фу неловко покосился на соседа.

На самом деле все считали, что в тот день, когда у семьи Ли начались проблемы, их отношения с Юаньюань закончились. Семья Сун занималась бизнесом, а торговцы лучше всех умеют вовремя разрывать невыгодные связи. Даже если бы Юаньюань любила Ли Жуну до безумия, семья заставила бы её расстаться с ним. Но говорить об этом в лицо было как-то некрасиво, поэтому Цзянь Фу использовал старый статус.

— Моя девушка, значит, — тихо повторил Ли Жун.

Он не чувствовал ненависти к Юаньюань. Стремление избежать проблем — естественная черта человека. Даже родной дядя отрёкся от него, что уж говорить о подруге.

Цэнь Сяо поковырялся палочками в рисе, выудил креветку и отправил её в рот. — Её мать лично звонила моей.

— Ого... — Цзянь Фу многозначительно посмотрел на друга.

Дети в таких семьях с малых лет учатся читать между строк. Зачем матери Юаньюань звонить матери Цэнь Сяо — догадаться было несложно. Цэнь Сяо был завидным женихом, и многие семьи мечтали породниться с ним, причём не только в «Ланьшу». Даже в «Хунсо» были те, кто хотел усидеть на двух стульях. Желание Сун свести дочь с этим парнем было вполне логичным — оба уже взрослые и после школы пойдут в Университет А.

Единственная неловкость заключалась в присутствии Ли Жуна. Если между его соседом и Юаньюань что-то завяжется, это будет выглядеть так, будто Цэнь Сяо увёл девушку у друга. Или врага. Теперь они официально стали соперниками.

Цзянь Фу уставился на Ли Жуна, ожидая реакции. Тот встретил его взгляд: — Ты ждёшь, что я впаду в отчаяние и кинусь драться с Цэнь Сяо не на жизнь, а на смерть?

— Ха-ха-ха, да брось, — натянуто рассмеялся собеседник, пытаясь сгладить ситуацию.

Ли Жун понимал, что тот жаждет зрелищ и дешёвой драмы из-за женщины. Но Цзянь Фу и представить не мог их будущее, которое было куда безумнее любого воображения. Эта история могла бы занять первое место в списке самых скандальных происшествий Школы А.

Цэнь Сяо холодно взглянул на друга. — Мне не интересна Сун Юаньюань, — отрезал он.

— А кто тебе интересен? — хмыкнул Цзянь Фу.

«Я» — мысленно ответил за него Ли Жун.

Цзянь Фу вздохнул: — Эх, ну да. Дядя Цэнь и тётя Сяо... С твоей семейной ситуацией любовь и правда кажется скучным занятием.

— Ешь, — оборвал его Цэнь Сяо.

Ли Жун вежливо поблагодарил соседа за суп. После целой чашки в животе разлилось приятное тепло, и ему стало гораздо лучше.

На послеобеденный урок самоподготовки Цуй Минъяна привела сама Ян Фанфан. Губа у парня распухла сантиметра на два, приобретя багрово-синюшный оттенок и покрывшись слоем белого лекарственного порошка. Выглядел он как клоун в дешёвом цирке.

Ученики не выдержали — по классу прокатилась волна смешков. Цуй Минъян побагровел и бросил на Ли Жуну полный ненависти взгляд.

Ян Фанфан постучала по доске. — Тишина! Чего рассмеялись? У вас что, заданий на сегодня нет?

Смех затих, но взгляды, полные иронии, продолжали сверлить Цуй Минъяна. — Что это с ним? Лицо в кашу? — Кто знает. Наверное, от радости споткнулся. Он же вроде старостой должен был стать? — Интересно, Ли Жун в курсе? Хе-хе.

Учитель жестом велела Цуй Минъяну сесть на место и многозначительно посмотрела на старосту. У того был вид абсолютно невинного агнца — бледный, болезненный, изящный. Даже его улыбка казалась воплощением доброты. Но женская интуиция подсказывала Ян Фанфан: этот юноша вернулся совсем другим человеком, куда более опасным, чем прежде.

Она глубоко вздохнула. — Я должна сделать объявление.

«Началось. Сейчас сменят старосту». «Наконец-то Цуй Минъян дождался своего часа». «Понятно, что Ли Жуну не оставят. Если не Минъян, то кто-то другой, это было очевидно».

Ян Фанфан продолжила: — Пробный экзамен на следующей неделе будет максимально приближен к сложности государственного. Надеюсь, все отнесутся к нему серьёзно. А теперь — занимайтесь.

С этими словами она придвинула стул и села у трибуны, углубившись в книгу. Класс замер в ожидании, но Цуй Минъяна так и не позвали. Похоже, учитель и не собиралась ничего менять.

Тот сидел, уткнувшись в тетрадь, и не проронил ни слова. Во всём классе лишь Ли Жун и Цэнь Сяо не выказали ни капли удивления.

Цэнь Сяо взглянул на своего бледного соседа. В его низком голосе послышались вкрадчивые нотки: — Доволен?

— Угу, — Ли Жун счастливо улыбнулся и быстро кивнул.

Это было похоже на легенду о безумном правителе, играющем судьбами подданных ради мимолётной прихоти. Сейчас соседа было легко контролировать.

Ли Жун не остался на вечерние занятия. Как только закончились основные уроки, он ушёл. Стоило ему скрыться за дверью, как Цзянь Фу пересел на его место.

— Брат Сяо, тебе не кажется, что староста ведёт себя... странно? Весь день об этом думаю. С чего это он вдруг сел с нами обедать? И эта улыбка... — Цзянь Фу скривился и почесал затылок, подбирая слова. — Как бы это сказать... Слишком уж сладко он улыбается, понимаешь?

Цэнь Сяо поднял глаза только после слова «сладко». Перед ним снова возник образ Ли Жуна с его притворно-невинной улыбкой. Когда тот хотел улыбнуться, он сначала поджимал губы, сдерживаясь, но его глаза прищуривались всё сильнее, и когда сдерживаться становилось невозможно, он чуть приоткрывал рот, обнажая край зубов.

— Тебя не касается, как он улыбается.

Друг решил, что тот его не понял. — Да при чём тут я! Просто у него в семье такой кошмар, как он вообще может улыбаться? Отец говорил, что в «Хунсо» сейчас все топят Ли Цинли, лишь бы самим чистыми остаться.

Цэнь Сяо нахмурился. Он провёл пальцем по острию ручки, оставляя на коже тонкий след. — Это тебя касается ещё меньше.

Собеседник вздохнул. — Да знаю я, что не наше дело. Просто надо держаться от него подальше. Как бы не заляпаться во всём этом дерьме, мать меня уже предупреждала.

Цэнь Сяо промолчал. Цзянь Фу продолжал бубнить: — Но всё-таки странно. Ян Фанфан же хотела его снять? Цуй Минъян уже два дня за него всю работу делал. Почему сегодня тишина?

— Кое-кто не согласился, — бросил Цэнь Сяо.

Цзянь Фу оживился. — Ого! И кто же этот смельчак? Чьё мнение перевесило?

Тот посмотрел на него в упор. Его голос был абсолютно спокойным: — Моё.

Друг онемел. — ...Ты вообще слышал, что я сказал про «держаться подальше»?

Тот перестал крутить ручку. Его взгляд скользнул по месту Ли Жуна, которое занял Цзянь Фу. — Это ты держись от него подальше. И поменьше думай о том, насколько «сладко» он улыбается.